

УДК 902.2(470.58) + 903.2(470.58) + 903.4(470.58)

**ЕДИНСТВО ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА НАСЕЛЕНИЯ
НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА В РАЗЛИЧНЫХ
ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ ЗАУРАЛЬЯ***

В.С. Мосин

В настоящее время основное внимание археологов должно быть сосредоточено на исследовании исторических процессов древности, которые нужно моделировать с опорой на полное детальное изучение памятников и опредмеченных в артефактах бытовавших традиций, являвшихся основой идентичности древнего населения. Вмещающим ландшафтом зауральского населения неолита и энеолита являлось разнообразие близко расположенных друг от друга горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Зауралья и западной части западносибирской равнины. В рамках существовавшей системы жизнеобеспечения, основанной на охоте и рыболовстве, основные передвижения древнего населения осуществлялись между предгорьями и лесостепной равниной. Одной из таких магистралей, возможно, была река Миасс, которая соединяла лесостепное Притоболье и озера, расположенные в предгорьях.

Ключевые слова: неолит, энеолит, традиции, вмещающий ландшафт, система жизнеобеспечения.

Культурно-исторический или классификационный подход в советской (российской) археологии, основной целью ставил хронологическую классификацию археологических материалов и изучение процессов развития, взаимодействия и распространения археологических культур. В настоящее время исторические процессы древности нужно моделировать и исследовать с опорой на детальное изучение отдельных памятников – стоянок и поселений и опредмеченных в артефактах бытовавших традиций, являвшихся основой идентичности древнего населения. Основой этих процессов была система жизнеобеспечения, предусматривавшая использование различных ландшафтов, в данном случае – это восточные предгорья Урала и зауральская равнинная лесостепь – лесостепное Притоболье, в одном хозяйственном цикле одними и теми же коллективами. При таком подходе важнейшей задачей является изучение стратегий адаптации древнего населения в различных природно-ландшафтных зонах региона в рамках единой хозяйственной системы.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Радиоуглеродная хронология евразийской лесостепи в неолите и энеолите» № 14-06-00041

Неолитический период Зауралья укладывается в рамки VI–V тыс. до н.э. (cal BC) и может быть разделен на два этапа: ранний неолит – конец VII–VI тыс. до н. э. (6000–4700 гг. до н. э. (Cal BC)) и поздний неолит – V тыс. до н. э. (5000–3950 гг. до н. э. (Cal BC)) [1], энеолитические комплексы соответствует датам 4400–2850 (cal BC) [2], если отбросить крайние значения, то это последняя четверть V–IV тыс. до н. э. (cal BC), что соответствует атлантическому – началу суббореального периодам.

Атлантический период в регионе характеризуется продолжавшимся потеплением, которое приводит в середине периода – 6000–5500 л. н., к климатическому оптимуму – наиболее благоприятному сочетанию тепла и влаги. Отмечается интенсивная миграция на север широколиственных пород из южных районов Урала. Концу атлантического периода отвечает максимальный расцвет темнохвойных и широколиственных лесов. Вяз, липа, дуб и орешник достигали примерно широты Нижнего Тагила. Это время окончательной дифференциации природно-ландшафтных зон региона и установлению границ, близких современным. В суббореальный период выделяются три климатические фазы с чередованием нарастания иссушения и значительного увлажнения. Климат на большей части региона в начальной фазе периода (4500–4100 л. н.) был несколько прохладнее, чем в предшествующий [3, 4].

На поселении Кочегарово I в лесостепном Зауралье [5], палеогеографическими исследованиями установлено, что к приходу неолитического населения одна часть площадки была свободной от воды, тогда как другая подвергалась сезонным затоплениям. Особенности почвенных горизонтов и местоположение артефактов позволяют предположить, что население неолита жило на речном пляже, поскольку находки неолита приурочены к почвообразующей породе, которая является аллювиальным частично оже-лезнённым песком. В суффозионных западинах, использованных под жилища, слои неолита и энеолита разделены прослойкой сильно гумусированного суглинка, образовавшегося в результате стояния воды во время затопления площадки поселения. Время непригодности площадки памятника для жизни совпадает с периодами повышенной увлажненности климата между 5700 и 5400 лет назад, что подтверждается и проведенной радиоуглеродной датировкой поселения. В период заселения площадки в энеолите – около 5400–5200 лет назад, ландшафт, где расположено поселение, представлял собой пойменный луг. Почвообразование только началось в этот период и основным фактором, определяющим его, был режим реки. В энеолите мы наблюдаем хорошо выраженный почвообразовательный процесс по луговому типу, который характеризуется большим поступлением, переработкой и накоплением органического вещества и, как следствие, формированием мощного гумусового горизонта. Предварительно можно предположить, что во время функционирования поселения залесённость была выше, по сравнению с настоящим временем. Об этом же свидетельствует

остеологический анализ костных остатков поселения. Среди костей млекопитающих преобладают кости медведя, также зафиксировано присутствие костей лошади, лося, благородного оленя, косули, барсука, куницы и выдры [6]. Валовое содержание фосфора (биофильный элемент – индикатор хозяйственной деятельности человека) в культурных слоях низкое и не превышает 0,3 %, что соответствует природному значению, что косвенно свидетельствует о том, что неолитическое и энеолитическое население занималось экстенсивным хозяйством (охота, рыболовство, собирательство).

Очень перспективной, в плане изучения стратегий адаптации древнего населения в различных природно-ландшафтных зонах, на мой взгляд, является территория каскада южноуральских озер: Большое и Малое Миассово, Большой и Малый Кисегач и т.д., с одной стороны, и бассейн реки Миасс, с другой.

Берега озер горно-лесной зоны, как правило, имеют сложные очертания, сочетая многочисленные заливы, мысы, разноуровневые ровные площадки, на большинстве из которых сохранились следы пребывания человека. Культурные слои содержат чаще всего остатки материальной культуры неолита – энеолита и раннего железного века, значительно реже мезолита, эпохи бронзы и средневековья. Исследованные памятники расположены, как правило, на западных, более возвышенных, скалистых берегах озер. Топография стоянок имеет несколько вариантов: это мысы, выдающиеся в озеро; ровные площадки берега, приуроченные к протокам и речкам, соединяющим рядом расположенные озера, и прикрытые скалистыми грядами; площадки в седловинах между двумя возвышенностями. Показательно количество известных к настоящему времени памятников, сконцентрированных на крупных озерах. Так, на оз. Чебаркуль найдено более 20 стоянок; на оз. Тургойк – более 30; на Аргазинском озере-водохранилище – около 50, на Большом и Малом Миассовых, которые, по сути, являются одним озером – пока известно около 40 и обследование еще не закончено. Эти цифры далеко не окончательные, поскольку это данные разведок разных лет, а не сплошного обследования береговых линий. Берега предгорных озер центральной части Урала использовались как места сезонного проживания для занятий охотой на водоплавающую дичь и рыбной ловлей, в основном, на протяжении мезолита-энеолита. Посещение одних и тех же мест в течение нескольких тысячелетий подтверждает относительную стабильность в выборе сезонных экологических ниш населением этого времени.

Озера горно-лесной зоны расположены в пределах развития метаморфических пород и гранитоидов Восточно-Уральского поднятия, вследствие чего среди них из кремнистых пород и минералов преимущественно распространены только жилы, прожилки и конкреции халцедона, а также его обломки в рыхлых отложениях. Часто халцедон здесь имеет плохое качество, обусловленное значительной кавернозностью и сложным строением поверхности обломков. Коллекции стоянок содержат фтаниты, фтанито-

ды и яшмы, которые обладают наилучшими качествами для изготовления орудий и происходят из Магнитогорской мегазоны, а также упомянутые выше местные халцедоны. Небольшой составляющей, как правило, являются изделия из серой кремнистой породы (субновакулит, у археологов – боборыкинская яшма). Обычно это готовые орудия и очень незначительное количество отходов. Эта кремнистая порода встречается в палеозойских песках по краю континентальной морской террасы, разделяющей Зауралье и Западно-Сибирскую низменность в виде конкреций. Наиболее распространена эта порода в качестве сырья для изготовления орудий в памятниках неолита и энеолита лесостепного Притоболья. Вероятно, конкреции серой кремнистой породы были вынесены в Притоболье по древним руслам (структурно-эрозионным депрессиям) и добывались населением неолита из песчано-глинистых береговых отложений в виде небольших конкреций. Одна из таких конкреций была найдена на поселении Кочегарово I на полу постройки. После сильного обводнения региона, о котором говорилось выше, этот вид кремнистого сырья, вероятно, стал недоступен и уже в энеолите количество находок из серого кремня значительно сократилось. Современные длительные исследования по поиску данного сырья в Притоболье не дали положительных результатов. Вместе с тем, на памятниках Притоболья практически всегда присутствуют в небольшом количестве изделия и заготовки из кремнистых пород Магнитогорской мегазоны (также как находки из серого кремня в предгорьях).

Близкая по содержанию картина наблюдается и в распространении керамической посуды. На памятниках лесостепного Притоболья, и даже Приишимья в небольших количествах встречается керамика с примесью талька в тесте, что возможно только для территории Зауралья, поскольку в Притоболье талько-хлоритовых пород нет. Также в небольшом количестве керамика, изготовленная на территории Притоболья, встречена в коллекциях озерных предгорных стоянок.

На основании имеющихся и пока весьма неполных данных можно выдвинуть рабочую гипотезу, позволяющую ориентировать исследования в нужном направлении и предположить возможные результаты. Так, вероятно, в Зауралье основные передвижения были между предгорьями и лесостепной равниной. Одной из таких магистралей, возможно, была река Миасс, которая соединяла Притоболье и озера, расположенные у подножия Ильменского хребта, небольшой, вытекающей из озера Миассово, речкой Караси. Между поселением Кочегарово I и озером Миассово по реке Миасс расстояние всего чуть больше 200 км, что для охотников эпохи камня вовсе не критично. Кроме того, к настоящему моменту известно еще два-три поселения, расположенные в этом промежутке.

Стоянки-поселения на озерах предгорной зоны, которые, вероятно, заселялись на период с весны до осени, делятся на две группы. Одни – кратковременные охотничье-рыболовецкие стоянки с небольшим культурным слоем, сформировавшимся за счет наложения друг на друга многообразных

посещений удобных площадок небольшими коллективами. Они содержат немногочисленный, но разнообразный инвентарь, поскольку одновременно реализовывались различные направления хозяйственной деятельности – охота, рыболовство, домашние промыслы, изготовление орудий, охотничьего снаряжения. На других, которые располагались в Магнитогорской мегазоне [7], рядом с местами богатыми кремнистым сырьем, например, памятники на озерах Суртанды, Узункуль и т.п. помимо основных промыслов, делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму–весну. Коллекции каменного инвентаря таких стоянок содержат полный технологический цикл – от заготовок до использованных орудий и большое количество отходов.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью преимущественно велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным. Здесь практически нет сырьевой базы в изначальном виде, но присутствуют этапы технологической цепочки изготовления и использования орудий. На этих стоянках орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек кремня и яшмы, которые брали на соседних территориях предгорий и (или) из кремнистой породы серого цвета, которая залегала в местных песках в виде конкреций. В таком варианте сырьевые запасы срабатывали полностью, используя все пригодные местные породы камня.

Еще одной хозяйственной нишей для древних охотников были районы основных хребтов Урала. Кратковременные стоянки в горной части, которые мы фиксируем в гротах и пещерах содержат очень немногочисленный, типологически бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав коллекций закономерен, поскольку – это места, которые целевые группы охотников посещали на короткий период зимой, для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного или двух месяцев зимней охоты очень ограничен и функционален. Здесь не изготавливали орудий, в лучшем случае – ремонтировали или просто бросали испорченные. Оставленные отщепы и чешуйки – это, скорее всего, результат использования кресал для добывания огня. Кости животных из культурного слоя очень мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости отдавали собакам. И, если на таких стоянках встречаются более многочисленные находки, значит, это место посещали в течение очень долгих лет.

В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий зауральские общины не смогли бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних общин. В отсутствие серьезных географических барьеров территориальные и социальные границы не были жесткими. Каждая община имела несколько стоянок или поселений – долговременных зимних и кратковременных – летних и была центром своих социальных связей, со своими приоритетами, и эти связи соседних общин неизбежно перекрывали друг друга во всех направлениях.

Восточные склоны Урала, лесные и лесостепные территории, протянувшиеся к востоку до междуречья Тобола и Ишима, представляют собой единую историко-географическую зону. Вмещающим ландшафтом зауральского населения неолита и энеолита являлось разнообразие близко расположенных друг от друга горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Зауралья и западной части западносибирской равнины. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческой системе жизнеобеспечения с сезонной сменой видов деятельности и различных вариантах сезонных стоянок. Объектами охоты являлись лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по встречающимся среди артефактов наборам грузил различных форм и остаткам костей и чешуи рыб. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка. Нео-энеолитическое население Зауралья на каждом историческом этапе представляло собой определенное количество общин (резидентных групп), которые занимали общую территорию и были объединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, возможно общей мифологией и другими коммуникативными формами и создавали социальную систему. Идентичность зауральских социумов и их социокультурное пространство определяются единой системой жизнеобеспечения в рамках вмещающего ландшафта, объединявшего лесные предгорные районы и зауральскую лесостепь, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий, проявлявшихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики. Зауральское население в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало вмещающий ландшафт своих общинных пространств – предгорий восточного склона Урала и зауральской лесостепи, и в случае необходимости заходило на соседние территории.

Библиографический список

1. Выборнов, А.А. Хронология уральского неолита / А.А. Выборнов, В.С. Мосин, А.В. Епимахов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – Вып. 1 (57). – С. 33–48.
2. Епимахов, А.В. Энеолит и ранний бронзовый век Урала в свете радиоуглеродной хронологии / А.В. Епимахов, В.С. Мосин // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. – СПб.: «Скифия-принт», 2013. – С. 34–38.
3. Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен: Атлас-монография / под ред. профессора А.А. Величко. – Москва: ГЕОС, 2009. – 120 с.

4. Хотинский, Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов растительности и климата / Н.А. Хотинский. – М.: Наука, 1977. – 198 с.

5. Мосин, В.С. Поселение Кочегарово I – опорный памятник неолита и энеолита лесостепного Зауралья / В.С. Мосин, А.Н. Страхов // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – С. 40–41.

6. Мосин, В.С. Экосоциальная адаптация и материальная культура в каменном веке Урала / В.С. Мосин, И.В. Горащук, А.Н. Страхов, А.С. Якимов // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, Ин-т археологии РАН, 4–6 декабря 2012 года / Российский Фонд фундаментальных иссл., Российская акад. наук, Ин-т археологии (ред. и сост. Е.Н. Черных). – Ин-т археологии РАН, 2012. – С. 106–108.

7. Мосин, В.С. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала / В.С. Мосин, В.Ю. Никольский. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 196 с.